Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Кто ответит за «Шоста»?

26.03.2026.

Обложка виниловой пластинки Д. Шостакович (1906-1975). Симфония № 5 ре минор, соч. 47 Государственный Симфонический Оркестр СССР, Дирижер Максим Шостакович © Ленинградский завод грампластинок

В лекции Владимира Набокова, посвященной «Мертвым душам» Гоголя, одной из его знаменитых «Лекций о русской литературе», подготовленных для американских студентов, есть такой пассаж: «На русском языке при помощи одного беспощадного слова можно выразить суть широко распространенного порока, для которого три других знакомых мне европейских языка не имеют специального обозначения. Отсутствие того или иного термина в словаре какого-нибудь народа не всегда означает отсутствие соответствующего понятия, однако мешает полноте и точности его понимания. Разнообразные оттенки явления, которое русские четко выражают словом «пошлость», рассыпаны в ряде английских слов и не составляют определенного целого.»

Действительно, точного эквивалента этого «беспощадного слова» нет ни в английском, ни во французском, ни в немецком языках. А потому Набоков, весь жизненный и творческий путь которого отмечен борьбой с пошлостью, пытается

максимально точно донести суть этого понятия и разжевывает: «пошлость – это не только откровенная макулатура, но и мнимо значительная, мнимо красивая, мнимо глубокомысленная, мнимо увлекательная литература».

Определение выдающегося писателя можно применить не только к литературе. Можно и нужно, ведь пошлость проникла и в другие виды искусства, с разной степенью агрессивности. Она заполонила телевизионные развлекательные программы, колет глаза на полотнах некоторых художников, ее все чаще можно встретить в драматических спектаклях и даже в оперных постановках, авторы которых, видимо, стремятся с ее помощью опустить «высокий жанр» до уровня массового потребителя, сделать его «доступным».

Пожалуй, единственным жанром, нетронутым пошлостью, до сих пор оставалась симфоническая музыка: мне, по крайней мере, не доводилось видеть дирижера, выходящего на сцену в трусах, скрипача, делающего смычком непристойные жесты, или тромбониста, издающего непристойные звуки, не предусмотренные партитурой. Но…

Несколько дней назад я получила на свой адрес электронной почты приглашение на концерт Оркестра наций, основанного в 2011 году выпускником Лионской консерватории по классу кларнета Антуаном Маргье: он представлен на сайте этого коллектива – «символа межкультурного обмена и мира», объединяющего «непрофессиональных музыкантов высокого уровня» – как «chef d’orchestre hors norme», то есть «дирижер исключительного масштаба». Не берусь комментировать это утверждение.

Побывав один раз на концерте Оркестра наций, я бы сразу удалила это приглашение, если бы не название программы: «Вена 1785 – Ленинград 1937». Тут мое внимание, как вы понимаете, заострилось, и я дочитала текст рекламного анонса до конца. Текст короткий, так что приведу его полностью, он того стоит. Обратите внимание: в оригинале маэстро не просто говорит, он – «dixit», то есть «изрекает», а героиня шедевра Дмитрия Шостаковича обозначена именно так – не Lady Macbeth, а Lady McBeth. Если имелась в виду шутка насчет шотландских корней, то она не удалась: имя короля Шотландии с 1040 по 1057 год писалось по-гэльски Mac Bethad mac Findláich. И «доступность» на месте, как главная положительная характеристика Моцарта и Шостаковича. Но судите сами.

*«**Вена 1785 – Ленинград 1937***

Финальным аккордом юбилейного сезона станет последняя из «Трех Пятых» – Пятая Шостаковича.

«Трижды пять – пятнадцать, счет сходится, - говорит дирижер оркестра. - Мы никогда не были в такой отличной форме и так тесно связаны с нашей публикой».

Если продолжить математическую тему, программа объединяет в одном концерте 250 лет музыки: Концерт для фортепиано № 20 Моцарта (солист – Матей Варга) и Пятую симфонию Шостаковича.

Минорный лад – мажорный масштаб

Написанный на вершине карьеры, концерт Вольфганга раскрывает уже намечающийся романтизм. «Он уже открывает дверь к чему-то, что нас глубоко трогает. Это не просто тот искристо-солнечный-шампанский Моцарт, к которому мы привыкли, а композитор, внутренне тревожный».

«Говорят, что Моцарт помогает растениям расти и успокаивает новорожденных. Это музыка магическая и естественная, написанная, казалось бы, из очень немногого. В этом и есть гений – и с Шостаковичем то же самое».

«Шоста», как сказано на нашей афише, тоже имел все основания тревожиться. Его Пятая симфония стала возвращением в милость к Сталину после полутора лет опалы: «человеку из стали» не понравилась его предыдущая опера Lady McBeth.

Инструкция по эксплуатации не требуется

Несмотря на контраст между наследием и современностью, у двух композиторов есть еще одна общая черта – доступность.

«Удивительно, что в 1937 году, после того как Вторая венская школа взорвала тональность, Шоста приходит с музыкой, которая все еще остается тональной и возвращает нас к прежним ориентирам, - объясняет Антуан Маргье. - К тому времени уже требуется своего рода инструкция по эксплуатации, а здесь – нет. Это музыка огромной эмоциональной силы».

Программа, которая понравится и публике, и самим музыкантам. «Когда музыканты играют с энтузиазмом, послание доходит до слушателя – и это чувствуется. Эмоции гарантированы: это наш фирменный знак».

Я не знаю, кто писал этот анонс, сам ли господин Маргье или кто-то из его «специалистов по коммуникации». Эмоции же, действительно, были гарантированы. Вернее, не эмоции, а физиологическая реакция – знаете, когда тошнота подступает к горлу. Не говоря уже об общем развязном тоне, достойном уличного зазывалы, главными триггерами для меня стали, конечно, фамильярные «Вольфганг» и «Шоста».

Ну, за зальцбургского гения пусть вступаются его соплеменники, если сочтут нужным, а я скажу несколько слов о гении, более близком мне, ленинградском. Не о нем даже, а именно о его Симфонии № 5, написанной очень быстро в 1937 году, таком страшном году в истории моей страны.

Меч сталинского неправосудия обрушился на Дмитрия Дмитриевича Шостаковича в начале 1936-го, после публикации 28 января в газете «Правда» печально знаменитой – и опубликованной без подписи! – статьи «Сумбур вместо музыки», в которой опера «Леди Макбет Мценского уезда» была разгромлена за ее «антинародный» и «формалистический» характер. Большинство промолчало, но не все. Соломон Волков в своей книге «Большой театр» приводит слова Андрея Платонова, Исаака Бабеля, Николая Мясковского, Юрия Шапорина и Юрия Олеши: «Авторы этой статьи дискредитируют себя. Большое искусство будет жить вопреки всему».

Искусство продолжало жить, но травля Шостаковича после этой статьи началась. Премьера Четвертой симфонии, которую композитор нашел в себе силы закончить в последующие месяцы, была запланирована на 11 декабря 1936 года в Ленинграде, но отложена на 25 лет – до 1961 года, в Москве. Композитор со дня на день ожидал

ареста, а основным источником существования для композитора и его семьи стала музыка к кинофильмам.

Д. Шостакович (1906-1975) Симфония № 5 ре минор, соч. 47 Государственный Симфонический Оркестр СССР Дирижер Максим Шостакович © Ленинградский завод грампластинок

Пятая симфония впервые прозвучала 21 ноября 1937 года в Ленинграде в исполнении Оркестра Ленинградской филармонии под управлением Евгения Мравинского и стала сенсацией. Публика прекрасно понимала, что эта симфония была ответом Шостаковича на выдвинутые против него обвинения и пыталась читать «между нот». А ноты передавали крайнее напряжение душевных сил автора, поиск затравленным человеком выхода, его страдания, метания и ощущение обреченности, переданное мрачным маршем, но при этом – финальную победу Жизни. Сам композитор написал в статье «Мой творческий ответ» («творческий ответ советского художника на справедливую критику»), опубликованной в газете «Вечерний Ленинград» 6 ноября 1937 года, за две недели до премьеры, и пропущенной через сито цензуры: «Тема моей симфонии – становление личности. Именно человека со всеми его переживаниями я видел в центре замысла этого произведения, лирического по своему складу от начала до конца. Финал симфонии разрешает трагедийно напряженные моменты первых частей в жизнерадостном, оптимистическом плане…»

В стихотворении «Музыка», посвященном Д. Д. Шостаковичу, Анна Ахматова сказала:

Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвел глаза.

Так что ухмыляться на этот счет и позволять себе называть великого композитора «Шоста» может только… законченный пошляк. Думаю, переводить для вас это слово уже не требуется.

P.S. Доставьте себе удовольствие и послушайте запись Пятой симфонии Д. Д. Шостаковича, сделанную в 2018 году маэстро Юрием Темиркановым в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии, носящей имя Шостаковича – это имя заслуживает быть написанным полностью.

русская музыка в Швейцарии
Дмитрий Шостакович

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/kto-otvetit-za-shosta*